

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Л. ТЕВЕНО

ПРАГМАТИКА ПОЗНАНИЯ.

ВВЕДЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПОЗНАНИЕМ, КОЛЛЕКТИВНОСТЬЮ И ПРАКТИКОЙ

3. ПОЗНАНИЕ НА ПРАКТИКЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Понятие прагматического режима и его характеристики

При введении понятия координации возникает несколько следствий, имеющих значение для нашей исследовательской программы. Прежде всего подчеркну, что под «координацией» я подразумеваю куда более широкий смысл, чем тот, который вкладывают в понятия «правило», «иерархия» или «дисциплина», применяя их к институтам или формальным организациям. Это понятие охватывает как взаимоотношения, подходящие для общественной критики, взаимоотношения, регулируемые конвенциональными формами суждения, так и локализованные и персонифицированные договоренности, предполагающие иные способы достижения согласия (*convenances*). Меня интересует не только взаимоотношение акторов, как в интеракционизме, но и взаимоотношение человека с предметной средой и самим собой в меняющихся обстоятельствах. Тогда возникает возможность

Тевено Лоран (Thévenot Laurent) — профессор Высшей школы социальных наук (Париж). **Адрес:** Groupe de Sociologie Polititique et Morale, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 105 bd Raspail, 75006 Paris. **Электронная почта:** thevenot@ehess.fr

Публикуется заключительная часть перевода (начало в № 1/2 за 2006 г.), выполненного канд. филос. наук А.Д. Хлопиным по изданию: Thévenot L. *Pragmatiques de la connaissance* // *Sociologie et connaissance. Nouvelles approches cognitives* / A. Borzeix, A. Bouvier, P. Pharo (eds.). Paris: Ed. du CNRS, 1998. P. 101-139. Редактор перевода О.А. Оберемко.

рассматривать личность не как принцип, а как результат такой координации [55]. То, что обычно называют действием, даже если оно и совершается в одиночестве, зависит от координации. Изменение в терминологии указывает на перемену точки зрения, позволяющую понять не актора, а, прежде всего, динамизм приспособления к окружающей среде. В поисках более адекватных понятий для описания актора и действия нам необходима аналитическая рамка, которая не замыкалась бы на них и включала разные способы вовлеченности в окружающую среду. Вот почему нас интересуют и способы телесной вовлеченности на самом низком уровне — жесты, движения, эмоции, которые также играют роль в приспособлении и координации.

Однако эти способы вовлеченности представляют для нас интерес постольку, поскольку они получили коллективное признание и открывают возможности для изменения коллективов. Тип приспособления к окружающей среде, называемый действием, дает и выход на коллективную координацию, осуществляемую посредством интерпретации, реакции, помощи и т. д. в определенных рамках нормального поведения с предполагаемыми интенциями и функциями. Кроме того, способы освоения в знакомой обстановке (*les accommodements en familiarité*) нас интересуют не только для того, чтобы сделать менее абстрактным словарь описания (*la généralité du vocabulaire*) действия и актора, но и потому, что ими поддерживаются другие общие формы обращения с людьми и с предметным окружением, в силу чего они тоже включены в координацию коллективных действий.

Главной в нашем подходе является идея о том, что у современных обществ есть множество способов постигать те существа, в отношении с которыми мы вовлечены. Исследовательская задача, собственно, и состоит в том, чтобы выделить эти «форматы схватывания» (*formats de saisie*) и соотнести с возможностями координации, которые они представляют в разных «прагматических режимах». С введением понятия координации происходит глубокое изменение точки зрения на такие общепринятые понятия, как интенция, индивид, функция, собственность, принадлежность, характер, привычка и т. д. Они более не выступают в качестве базовых категорий, но представляют интерес для исследователя лишь в связи со способами и условиями их результативного использования в процессе координации¹.

¹ Такая теоретическая перспектива в чем-то аналогична ходу рассуждений Саймона, которому мы обязаны не только различением внутренней и внешней среды в целом ряде исследований приспособления [искусственных систем], но и пониманием преимущества этого различения, которое «позволяет предсказывать поведение системы лишь на основании ее целей и характеристик внешней среды» [50, р. 9]. Тем самым он делает возможным превращение редукциониста в «прагматического холиста»

По каким признакам можно идентифицировать и различать прагматические режимы? Как схватить специфику взаимодействия людей со средой, специфику их координации и согласования разных режимов вовлеченности?

а) Способы вовлечения акторов в среду

Прежде всего я бы подчеркнул, что процесс приспособления играет главную роль в определении режима. Сосредоточивая внимание на приспособлении и его динамике, мы фокусируемся на разных способах вовлеченности и необходимых для нее протяженных во времени процессах корректировки и созидания. Тем самым понятие «приспособление» предполагает не пассивную реакцию на ограничения [среды], а творческий процесс, который специально подчеркивается в прагматизме Мида [33]. У нас вызывает интерес разнообразие способов, с помощью которых агент приспосабливается к поведению оказавшихся в его среде людей и предметов. В таком случае понятие приспособления охватывает ошибки, приноравливание к обстоятельствам, корректировку [поведения], а также критику и обвинения с требованием восстановить справедливость.

б) Форматы схватывания (saisie) внешнего окружения

Характеризуя процесс вовлечения, мы будем исследовать ориентиры и свойства, которые агент использует при схватывании внешнего окружения и оценке успешности своего вовлечения в ходе проверки и созидания. Изучение разных режимов требует от исследователя внимания к тому, насколько большое значение агент придает внешнему окружению и к каким форматам он обращается при схватывании предметов (по функциям, свойствам, знакам и т. д. [54]) и людей (по настроению, характеру, квалификациям и т. д.). Изучение интересовавших нас с самого начала конвенциональных форм и конституирующих их инвестиций необходимо продолжить исследованием способов разметки среды, которые не подчиняются требованиям, предъявляемым прагматикой публичности.

Формат схватывания направляет выбор ориентиров, которые агент считает важными применительно к конкретной ситуации. В зависимости от режима реальной вовлеченности формат схватывания предопределяет сам подход к реальности и ее проверку.

[50, p. 195], а в экономической рациональности видит «адаптивный механизм» [50, p. 9*]. В критическом обзоре когнитивизма Декомб особо выделяет умение Саймона противопоставить искусственное природному не «как одно царство другому, а как взгляд одного на другое» [21, p. 200].

* Цитаты приведены из русского издания: Саймон Г. Науки об искусственном. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 17, 105. — Прим. ред.

в) Ограниченность оценивания и пределы блага

Здесь мы подходим к ключевому моменту в характеристике прагматических режимов — ограниченности оценивания (*la clôture de l'évaluation*). Для оценивания из среды отбираются и интегрируются определенные ориентиры. Но когда завершается отбор данных и что способствует его завершению? Ответ на этот вопрос заключается в конкретном отношении между схватыванием подходящих ориентиров и определением некоего блага, на которое направлено оценивание. Всякое конкретное благо предполагает определенный [режим] вовлеченности. Там, где оценка должна удовлетворять потребностям в оправдании с общественной точки зрения, благо является общим и соответствует потребностям всего человечества. Но общее благо может иметь и меньший ареал распространения, если ограничено пользой, ожидаемой сообществом, меньшим по масштабу. Благо может определяться и уже — исчерпываться отдельным повседневным действием. В последнем случае будет гораздо больше терпимости как в отношении практической реализации действия, так и в оценивании его успешности. Благо может быть больше ориентированным на отдельного человека и пространственно ограниченным, когда удовлетворенность от вовлеченности оценивается на основе отношений с близкими и хорошо знакомыми людьми или вещами.

г) Виды человеческой и нечеловеческой «агентности» (*agencies*)

Только изучив процесс приспособления и соответствующий формат постижения среды, мы можем перейти к рассмотрению проявляющейся в каждом из режимов компетентности (*la capacité*) агента. Мы тем самым уходим от теорий и понятий действия, сосредотачивающих все внимание на человеке как деятеле и его способностях к действию. Двигаясь в прямо противоположном направлении, мы сначала изучаем способ вовлеченности, а затем способности (или «агентность») человека, соответствующие конкретному способу вовлеченности. Понятие прагматического режима позволяет соотнести интенциональное и даже рутинное действие со всем многообразием способов вовлеченности. Эта возможность появляется благодаря не только учету различных типов деятельности, но и меньшей сфокусированности на человеке как деятеле и большей сосредоточенности на процессе его вовлечения в среду. Словарь теории действия также пронизан активизмом. Действие в нем противопоставляется бездействию, даже те версии социологии практики, которые, вслед за феноменологией, отводят действию не слишком большое влияние на мир, приписывают активность тому, что испытывает воздействие, и считают подвергающимся воздействию то, что активно, как в рассмотренном нами случае с понятием габитуса. Моя цель не в том, чтобы

смешать в одной категории разные процессы, а в том, чтобы соотнести их с конкретными режимами вовлечения. Вот почему я буду расширительно толковать понятие «агентность», которым я обозначаю способ освоения определенного модуса «действия» (*agencement*), способ вовлекаться самому или другими.

Архитектоника прагматических режимов

Здесь я представлю в общих чертах архитектуру трех режимов и остановлюсь на выводах, которые могут быть полезны для социального познания.

а) Режим телеологического действия: интеграция интенционального управления с функциональным

Я не буду подробно останавливаться на режиме телеологического действия, поскольку в его основе лежит понятие интенциональности, обстоятельно рассмотренное философией действия. Также разработку нашей программы затрудняет расширенное толкование этого волевого и осмысленного вмешательства, когда под него начинают подводить всю деятельность человека и тем самым отказываются от социологических традиций [исследования] практики, которые разрабатывались как раз в противовес волюнтаризму². Я лишь намечу в общих чертах несколько преобразований, необходимых для того, чтобы включить эту модель действия в рамки прагматического режима.

Прежде всего, мы не стремимся ни к самой лучшей, ни к просто хорошей модели человеческой деятельности. Наша цель предложить один из способов того, как люди достигают взаимопонимания по поводу своей вовлеченности в окружающую среду и включения в нее других «акторов», возможно, не имеющих человеческой природы (*éventuellement non-humains*). При таком определении цели мы отчасти солидаризируемся с Деннетом, когда он полагает, что мы трактуем интенциональность как «интерпретативную установку» (*posture interprétative*), которую человек принимает, сталкиваясь с определенными событиями и поступками [20].

Кроме того, классическую модель действия мы вписываем в более широкую рамку, что допускает более сбалансированный взгляд на способности, приписываемые различным участникам [ситуации], вместо того, чтобы уделять все внимание интенциональности и произвольности [действий] человека. Наличие компетенции, причастной к интенциональной «агентности», нельзя проверить, одновременно не признав наличие инструментально-функциональной организации за значимыми элементами среды, которые схватываются в качестве

² О роли планирования при совершении действия и о влиянии ситуации на когнитивные процессы и поведение см.: [15, 16].

средств действия³. Подчеркнем, что неживые объекты далеко не всегда рассматриваются только с точки зрения этой функциональной организации; обычно либо в них схватываются наиболее существенные свойства, либо они наделяются качеством субъекта (*personnalisés*) при помощи знакомых ориентиров [54, 57]. «Агентность» не соответствует различению живого и неживого. Исследуя вещный обмен, я мог наблюдать, как некоторым сложным объектам, выполняющим когнитивные операции, осознанно приписывалась способность к выполнению интенциональных действий [57].

б) Прагматика общественного и режим оправдания

Перспектива, которую открывает различение прагматических режимов, дает возможность точнее определять характеристики режима оправдания, который мы с Л. Болтански исследовали в терминах порядков значимости ценностей. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что этот режим позволяет преодолеть трудности, возникающие при распространении режима телеологического действия на коллективные действия. При необходимости широкомасштабной координации, требующей взаимного приспособления удаленных друг от друга анонимных акторов, можно из прагматических соображений принять допущение о симметричности позиции и побудить общественность участвовать в режиме оправдания. Расширение формата телеологического действия не так просто из-за того, что дистанцированным акторам приписывается интенциональность [41, 43]. Ожидаемое взаимное приспособление требует рефлексивности и суждений, которые вписываются в горизонт третьих лиц. Этот горизонт обнаруживается в идее Адама Смита о беспристрастном наблюдателе [6, 9], в теории социального взаимодействия Мида, построенной на понятии «обобщенного другого» [45], и теории Хабермаса [31]. В модели, общей для разных порядков значимости, мы дали характеристику операциям суждения и оценки, которые производятся внутри каждого порядка значимости, и тем самым уточнили последствия обращения к третьему лицу. Публичный горизонт ограничивает признание в качестве легитимных квалификации людей и вещей. Конвенциональные ориентиры, которые вопреки мнению, разделяемому современными конвенционалистами, отнюдь не гарантируют согласие,

³ Выше говорилось, что понятием «агентность» мы характеризуем способности вовлеченности, причем не только в наиболее «активной» ее форме, но и тех, которые не схватываются оппозицией «активный — пассивный». У Э. Пикеринга [49] см. интересные соображения об «агентности материального» (*agences matérielles*) и развернутое обсуждение использования объектов (*non-humains*), здесь же подробно рассмотрены аргументы Г. Коллинза и С. Йеарли [14] против позиции Б. Латура и М. Каллона по данному вопросу.

а лишь дают разметку (*points de repère*) для формата намерения и атрибуции последнего, конституируются квалификациями.

в) Режим привычного: распределение личности и компетенций

Чтобы понять значение режима телеологического действия и определить место интенционального действия в ряду других, необходимо обратиться к отношению близости (*commerce de proximité*) с окружением. Следует изучить режим привычного (*régime de familiarité*), в рамках которого человек постоянно использует локальные ориентиры в целях регуляции своей вовлеченности в близкие отношения со своим окружением. В процессе приспособления к этому режиму не используются формы оценки, обязательные для обобщающих суждений. Приспособление к нему тем более не происходит ни за счет приписанных интенций, ни за счет обычных функций, которые четко отграничиваются друг от друга и признаются за разными существами. Процесс приспособления идет с опорой на восприятие локализованных и персонифицированных ориентиров, которые усваиваются при постепенном ознакомлении человека с тем или иным окружением. В процессе использования сами вещи подвергаются частичной обработке и обретают свое назначение.

В этом режиме компетенции в некотором смысле распределены. Ориентиры, очень фрагментарные, ввиду того, что они не связаны с полным определением объектов и в них схвачены лишь некоторые ключи доступа (*clés d'accès*), помещены в сеть обычных отношений между освоенным человеческим телом и его социальной или предметной средой. Такое понимание распределения — строже, чем принято в литературе о «распределении интеллекта» (*l'intelligence distribuée*), в которой последнее понятие распространяется на всякую форму сетевой компетенции⁴. Специфика режима, при котором компетенции распределены, а не приписаны, особенно заметна во взаимодействиях «человек – машина», не допускающих использования функциональных свойств машины абсолютно независимо от ее пользователя⁵.

⁴ Обзор литературы о «распределении интеллекта», в котором справедливо указывается на напряжение между «ситуативным» знанием и «правомочностью распространять вывод об одной ситуации на другую», см.: [27]. Разногласия по поводу возможности применять понятие «распределение» к знанию, деятельности или вниманию отражены в специальном номере журнала *Sociologie du Travail*, вышедшем под редакцией Б. Конена (1994, vol. XXXVI, no. 4). В исследованиях Э. Хатчинса [32] предложен интересный подход к тому, как распределяется знание, и когнитивной экологии.

⁵ Об освоении вещей см.: [55]; о том же в процессе труда и в организациях см.: [58, 60]. Карин Кнор-Цетина сообщает о сходных наблюдениях:

Неоконнекционисты предлагают модели для формализации распределенной столь необычным образом компетентности: они имитируют функционирование сетей так, будто те обладают представлениями, тогда как ни один из элементов сети ими не обладает⁶.

В подтверждение наличия этих компетенций без эксплицитных представлений можно привлечь глубоко укорененные в контекст модели поведения: модель соответствия элементарных потребностей живого существа и морфологических «возможностей» (affordances) среды, которые предрасполагают к примитивным движениям вроде замахивания, бросания, хождения [30]; модель «мобота» [mobot], регулирующего свое поведение узко локальными подстройками к среде, фрагментарным восприятием и простейшими действиями по мониторингу [11], модель ситуативной импровизации [35], экологическое конструирование деятельности [28, 29, 32]⁷.

Взаимосвязь режимов

То одна, то другая работа, разные по исходным посылкам и сосредоточенные на моделях приспособления, обнаруживают ограниченность возможностей, когда возникает необходимость распространить имеющиеся в них выводы на любой способ приспособления к окружающей среде. Модели взаимозависимости (connexionnistes), обладая различающей способностью, в состоянии создавать подобие представления и категории, но не дают возможности проводить подсчет по композиции (calcul par composition). Эти модели правильно ведут учет знакомого по привычке (connaissance par familiarité) и установленной по типичности формы вероятного, которая нами уже упоминалась и соотносилась с парадигмой репрезентативности Канемана и Тверски. В данном случае поиски конгруэнтности вступают в противоречие со стремлением выделить независимые переменные. По замечанию Пьера Ливе, существует антиномия между необходимостью, чтобы запомнившиеся «схемы» (patterns) не были избыточными (для подсчета представлений), и восприимчивостью к структуре информации, передаваемой в избытке (при сопоставлении на основании типичности): сеть взаимозависимости — это «генератор» или, лучше

ввиду «освоения объекта [в данном случае детектора элементарных частиц], как следует из связно изложенной биографии, [его ответы] можно “понять”» [38, chap. 5]. Додье изучил общественную оценку этих компетенций в разных профессиях, в которых сама пригодность ставится выше функциональности [24].

⁶ Изучив организацию судостроения, Э. Хатчинс утверждал, что не встретил ни одного участника, который мог бы дать полное представление о процессе [32, p. 36].

⁷ Примечание при переводе опущено. — *Прим. ред.*

сказать, неисправимый [impénitent] индуктор» [42, p. 120, 122]. Эти ассоциации постепенно выявляют определенный режим вероятного, но по отношению к другому режиму вероятного, предполагающему учет независимых переменных, они оказываются остаточными и ненужными, и психолог, занимающийся рациональностью, усматривает в них «консерватизм» или противодействие «когнитивному диссонансу».

Вместе с тем несколько уже упоминавшихся моделей были разработаны в противовес модели планирования, в которой используются представления и дизъюнкции, сопутствующие решениям, принятым в случаях бифуркаций. Они, таким образом, возникали в ответ на ориентацию, господствующую в моделях искусственного интеллекта [63]. Однако они подвержены риску недооценить роль эксплицитных представлений [36, 37]⁸. Так поступает Гибсон, когда дает расширительное толкование понятию *affordance*, отвергая всякое различие между культурной и природной средой [30, p. 78]. Тогда возникает проблема, очевидная на примере с почтовым ящиком: Гибсон намерен дистанцироваться от влияния Кафки, для которого этот ящик — не материален, а феноменален, что побудило бы его к жесту. И он предпочитает вести речь о том, что «реальный почтовый ящик (он один) побуждает [affords] опустить в него письмо человека, пишущего письма в сообществе, располагающем почтовой системой». В примере явно представлена конвенциональная квалификация, по которой ящик становится ящиком для писем и которая не распространяется на жест опускающего в него письмо. В этом Гибсон расходится и с Мидом, четко различающим социальные объекты, и Ноубл совершенно правильно проводит параллель с монетой — конвенционализированным объектом, в связи с чем Мид подчеркивает, что она продолжает хождение, даже когда украден золотой запас ([46, p. 151] цит. по: [47, p. 81]). Нужно уточнить, чем является «социальный объект», и именно такова цель нашего исследования⁹.

Ограниченность возможностей некоторых работ, проливающих свет на режимы привычного, возникает и из стратегии, противоположной вышеупомянутой. Проявляя осторожность, исследователь в этом случае не настаивает на расширительном толковании предложенной им модели. Он признает ее ограниченность, проявляющуюся при переносе на явления другого порядка — социального или культурного, которые могли бы стать предметом социологии или этноло-

⁸ Конен и Жакопен составляют исключение: анализируя, как происходит подготовка рабочего места, они выявили связь между планом и локализацией, продемонстрировав способ размещения планов и методичек (recettes) на местах, где развертывается деятельность [15, 16].

⁹ Так, де Формель вынужден четко различать «affordances» в зависимости от фреймов деятельности и отступить от Гибсона [26].

гии¹⁰. Тогда кардинально меняется метод объяснения. Пользуясь такой стратегией, исследователь лишается потенциальных преимуществ, получаемых при изучении вовлеченности (особенно телесной) в ближайшее окружение (*d'engagements de proximité*) с целью переосмысления понятий, применяемых для интерпретации социального и культурного. Мы стараемся воспользоваться именно этими преимуществами, когда проектируем исследование, способное применить общие понятия и объединить проблематику «экологической» адаптации (*ajustements «écologiques»*) с социальными отношениями, которым свойственны другие способы координации. Установление различий между прагматическими режимами в таком случае дает возможность выявить уместность понятия плана при некоторых режимах, определяя подлинную роль плана как связующего звена между проектом и объектом, между познанием, действием и материальной формой [56], или же уточнить, чем является «социальный» объект.

Подходы к исследовательской программе

Представленный здесь очерк о трех прагматических режимах не претендует на полноту. Однако определение, которое я дал понятию, предложенному для исследования способов координации и приспособления [52, 55], отчасти сужает возможности для выявления режимов. Приступая к рассмотрению именно этих трех режимов с их спецификой, которая возникает в процессе установления присущей каждому из них «приемлемости» (*convenances*), я руководствовался, главным образом, тремя соображениями. Во-первых, нужно было изменить место оппозиции «коллектив — индивид», которая, как было показано, принимает множество конфигураций, образующихся на основе разных порядков значимости ценностей (*ordres de grandeur*). Если изучать процесс приспособления к среде, не фокусируясь на форме самостоятельности индивида, то это позволяет понять относительность и условия становления самостоятельности без обращения к «социальному» как исходной и единственной форме коллективного. Во-вторых, исследование трех режимов давало возможность локализовать границы режима телеологического действия и его особенности, обусловленные интенциональной агентностью актора и функциональным форматом среды, вовлеченной в качестве средства осуществления агентности. Наконец, перед исследованием режимов ставилась цель дать в общих чертах не только типологию, но и архитектонику, учитывающую эффективность и границы каждого режима и способ, с помощью которого один из них формируется на границах с другим.

¹⁰ Это установка встречается в самых интересных из цитированных работ — Кириша, Нормана, а также Бриля и Ру, выделяющих социальные группы портных в зависимости от их места проживания [10].

Авторы других работ о режимах действия способствовали уточнению требований социологической прагматики и выявлению различий в формах координации, особо подчеркивая, вслед за Шютцем и Коселеком, важность временных горизонтов [22, 23] либо намечив контуры различных режимов. Люк Болтански еще в самом начале охарактеризовал режим *agapè*, сравнив необходимые для суждения формы оправдания и установления эквивалентности, а затем дал представление о роли, которую режим насилия и режим мира играют в порядке вещей [7]. Филипп Коркюф и Натали Депра изучили режим требования выполнять этические нормы в межличностном общении, используя эмпирический материал об отношениях медсестер с пациентами и служащих биржи труда с безработными [18]. Коркюф также установил границы режима вероломства (*régime machiavélien*), одновременно допускающего отдаленную перспективу для общественного оправдания, извлечение тактических выгод и использование сиюминутных возможностей [17]. Дискуссия об этом режиме вписывается в более общие рассуждения о событиях, последовательно разворачивающихся во времени [39], о сцеплении разных режимов [19] и особенно о связи между стратегиями и оправданиями [62]. Формы публичного выражения личного мнения и отказа от аргументации ради оправдания и даже эмоциональной вовлеченности в чье-то страдание [6, 8] получили освещение в понятиях «режима мнения» и «режима участия» [12]. Замечу, что программа исследования роли, которую в этих режимах играют эмоции, выражаемые как реакция на страдание, в ситуациях критики и испытаний нацелена на выявление связи между эмоцией, познанием и оценкой [44, 53].

ПОЯСНЕНИЯ О ВОЗМОЖНОСТЯХ АГЕНТНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА

Индивидуальность под вопросом

Понятие прагматического режима не только выявляет многообразные способы достижения согласия и координации, пользуясь которыми люди познают окружающий мир и овладевают им. Оно позволяет вернуться к статусам, которые признаются за разными существами и в соответствии с которыми их наделяют компетенциями, что зависит от того, видят ли в них человеческие, природные или искусственные существа. С помощью понятия прагматического режима можно по-новому посмотреть на вызывающую сегодня столько горячих споров проблему индивидуальности и разрешить сохраняющееся противоречие между коллективом и личностью.

Признать это противоречие удастся лишь ценой огромных упрощений. Поэтому находящимся на другой стороне Атлантики, где Дюркгейму приписана репутация самого видного представителя холизма, уместно напомнить, что в своей концепции коллективных

представлений он принимал во внимание индивидуальное намерение и индивидуальный смысл [2, р. 247]¹¹. Вовсе не считая, что люди поглощены социальными группами, Дюркгейм старался понять, что представляет собой индивид в обществе [13]. В его понимании индивидуальность сохраняется благодаря обществу и государству. Отвергая противопоставление индивида и общества, он писал: «Государство само по себе — не противник индивидуума. Индивидуализм только и возможен благодаря ему, хотя оно и содействует его осуществлению лишь в определенных условиях. <...> Именно оно избавило ребенка от патриархальной зависимости, от неограниченной власти семьи, именно оно освободило гражданина от феодальных кланов, позднее — от городских, именно оно дало свободу рабочему и хозяину от тирании корпорации» [25, р. 99]. Обретая силу при его поддержке, индивидуальность, следовательно, не сводится к некой абсолютной автономии: она поступает в подчинение государству, освобождая ее от прежних форм зависимости, от патриархального порядка. Дюркгейма интересует моральный индивидуализм, и из трех проявлений «дуализма человеческой природы и общественных условий»: личные чувства — общественные понятия, частная жизнь — моральные поступки, светское — священное — именно третье вызывает самые оживленные толки об эгоистичном и корыстном индивидуализме [13, р. 134].

Сегодня есть все основания видеть в индивидуальности неотъемлемую часть общества, к чему нас и призывал Дюркгейм. Нужно также подвергнуть пересмотру модальности социальной идентификации индивидов. Зависимость морального индивидуума от государства удовлетворит нас не более, чем его принадлежность к группе. В целом мы уже можем выделить три вида человеческой агентности, исходя из вышеописанных режимов.

Относительная самостоятельность проектирующего субъекта

Отказ видеть в субъекте телеологического действия моральное существо в дюркгеймовском смысле служит основанием для весьма важного морального суждения — возложения ответственности на актора и конституирования его как суверенного творца своих действий. Этот формат индивида находит себе место в режиме, который не распространяется ни на какое общественное благо и ограничивается лишь успешным осуществлением отдельного телеологического действия. Прагматический режим телеологического действия позволяет

¹¹ Александер считает, что анализ представления и названия внешних объектов, как идеальных, так и материальных, проведенный Дюркгеймом на основе ожиданий и традиций, наводит на мысль о сходстве с феноменологией Гуссерля [1, р. 236].

четко определить значимость (la validité) формата индивидуального актора. Столь резко субъект интенции отделен от среды, в которой осуществляет свои намерения, только тогда, когда свой проект, чья функциональность абсолютно очевидна и адекватна замыслу, он реализует. Благодаря понятию режима становится возможным выявить взаимодополнительность интенциональной агентности индивидуального субъекта (которому исследователи весьма часто уделяют все свое внимание) и функциональной агентности объекта. Взаимодополнительность делает явной форму зависимости, а наличие зависимости противоречит идее абсолютной автономности субъекта.

Единение человечества посредством подлежащих оправданию квалификаций

Выдвинутую Дюркгеймом концепцию морального индивидуализма с таящейся в ней труднопреодолимой коллизией между самостоятельным индивидом и обществом мне хотелось бы рассмотреть с иной, чем у него, точки зрения. По примеру Дюркгейма я мысленно представляю себе индивида в обществе как один из способов реализации безусловного требования современности — индивидуации. Это требование удовлетворяется в разнообразных привязанностях человека, когда их преобразуют в общественные квалификации. В концепции Дюркгейма коллективом определяется квалификация индивидуума, руководствующегося гражданским понятием общественного, при том что общая воля Руссо отнесена к прерогативе общества (un être social). Однако для суждения по справедливости о привязанностях и зависимостях были разработаны другие квалификации. Толкования справедливости и блага чаще всего соотносятся с взаимоотношениями людей, наделенных большой самостоятельностью, и средой, конституированной ресурсами, справедливое распределение которых подлежит оценке. Я бы предложил обратную логику рассмотрения этой проблематики — исходить из множества связей между человеком и средой, а не из разъединенности индивидов при рассмотрении их отношений между собой и к внешним ресурсом [59, 61]. На основе этих привязанностей люди создали самые разные способы обобщения и интеграции. Порядки значимости ценностей (les grandeurs) представляют собой способы управления асимметриями, которые возникают не только из неравенства в физической силе, но и из множества привязанностей к среде, которая вовлечена в отношения индивида с другими людьми.

Личность, рассредоточенная в привычном окружении

В режиме обыденности (régime de familiarité) агентность человеческих и нечеловеческих существ сближается: при этом можно даже сказать, что не только вещи персонализируются, но и личность упрочивает свое положение и овеществляется благодаря своему окружению.

Прагматика этого режима формирует личность, рассредоточенную (*distribuée*) в ее окружении. Эта «личностная» конфигурация, обычно используемая при схватывании информации о людях, совершенно отлична от конфигурации интенционально действующего агента в режиме телеологического действия. Привычные связи с окружением неотделимы от личности, присвоившей их себе¹². За счет присвоения связей со средой расширяется и сохраняется пространство личности, причем это присвоение не имеет никакого отношения к приватизирующему присвоению, которое конституирует частную собственность. По отношению к человеческой агентности сеть привычных связей со средой служит продолжением личности: двойственность отношений с этой сетью [заключается в том, что] человек, который поддерживает целый узелок привычных связей, выполняет принципиально важную посредническую функцию, подобно «колдунам» [*wizards*], которые «необходимы для организации <...> в силу своих имплицитных знаний» [29]. Однако по отношению к организации отсутствие конвенциональных ориентиров и квалификаций служит помехой для возникновения общих форм оценивания, необходимых для публичной критики и публичного оправдания. Распределение компетенций мешает определить ответственность, поскольку для этого необходимо выделить [из коллектива] индивидов с соответствующими способностями¹³.

Историческая и культурная вариативность прагматических формул

Намеченная программа раскрывает прагматику идентичностей, локализует слишком обобщенно рассматриваемые и чересчур сильно противопоставляемые формы — самостоятельного индивида и его же как члена коллектива. Локализация достигается путем установления относительного соответствия этих форм разным сферам. Мы разделяем стремление современных исследователей использовать в анализе фундаментальные антропологические категории для установления необходимой дистанции [от объекта исследования]. Релятивистски ориентированная работа на основе этнографических обследований показывает, что понимание личности как отдельной, уникальной, целостной единицы, являющейся средоточием эмоций, сознания, суждения и действия, свойственно лишь культуре Запада [28]. Сделанный Чарльзом Тейлором историко-философский обзор истоков становления понятия

¹² Здесь установлены пределы сближения с *affordances* Гибсона, наличествующими в среде независимо от их присвоения личностью и от процесса ознакомления, приведшего к установлению используемых ею ориентиров.

¹³ В рабочих помещениях, напротив, обстановка благоприятствует такого рода выделению, чем облегчается определение ответственности [40].

«я» и возникновение идентичности эпохи модерна [51] также придает относительность толкованию идентичности субъекта, так как в нем не только представлена вариативность категории, но и выявлены связи с другими понятиями, применяемыми при осмыслении действий и суждений. Еще более близки нашему проекту сравнительные исследования систем понятий, сформированных в незападных культурах для обозначения вовлеченности в мир без идентификации субъекта. Я уже цитировал интересную работу Огюстэна Берка, в которой он попытался не только охарактеризовать отношение к среде в японской культуре и сопряженную с ним децентрацию (*décentrement*) субъекта, но и провести сравнение с идеями западной философии о феноменологии близкого, в особенности с идеями Хайдеггера. В этой книге Берк разработал «мезологию», в которой релятивизирует холистские и индивидуалистские формы [3]¹⁴. Ценность для нашей задачи представляет исследование китайского мышления, где Жюльен при деконструкции агентности (предрасположенности) вещей и людей не сводил истолкование ситуаций и диспозиций к противопоставлению субъекта и объекта, столь свойственному западному мышлению [34]. Подчеркнем, с нашей точки зрения, проблема заключается в том, чтобы не столько ограничить значение понятий, определив их связь с разными культурами, сколько изучить способы, какими последние выделяют и делают общественным достоянием (*socialisent*) возможности приспособления к окружающей среде в соответствии с разными прагматическими режимами.

Заключение

Различение видов агентности, к чему мы подошли в последних параграфах, позволяет, в свою очередь, уточнить соотношение между познанием и координацией. Каждому виду агентности соответствует определенный способ схватывания среды, обретения (*prise*) знания и организации информации (*le format d'information*). Не будучи лишь образцом кода, информация по своей организации коренным образом различается в зависимости от режима. Пример конфликта между тремя ее форматами был обнаружен при исследовании процедур стандартизации в сфере безопасности, касающихся предметов повседневного пользования [54]. Такая стандартизация является, прежде всего, политикой в строгом смысле этого слова, разновидностью правления, которое регулирует взаимоотношения людей посредством стандартизации продуктов и все чаще стремится подменить свою функцию регламентациями от имени суверенного

¹⁴ Декомб английское «*environment*» (среда) предлагает переводить на французский словом «*milieu*» (окружение), а не близким аналогом «*environnement*», ввиду того что это английское слово обрело теперь технический смысл, передаваемый французским «*milieu*» [21, p. 195].

Государства. Следовательно, конструируемые ориентиры — неизбежно конвенциональны, а сопряженные с ними квалификации — совместимы с порядками оправдания. Однако упомянутые предметы — продукты утилитарного назначения, и их свойства по необходимости определяются внутри режима телеологического действия, [в данном случае] в терминах исправности или неисправности. Таким образом, подходящая для этого режима информация связана с установлением функциональности предметов, которую проверяют с помощью методов и инструментов, позволяющих моделировать действие пользователя. Но схватывание объектов не ограничено этими двумя режимами, когда речь идет о безопасности, а не просто об исправности (создатели норм часто противопоставляют безопасности требования «качества»). Несчастный случай обязывает принимать во внимание привычки, заставляющие отклоняться от надлежащего использования объектов, особенно изменения конструкции ради привычного употребления. Таким образом, при установлении стандартов и планировании проверок необходимо учитывать возможность эксплуатации, не отвечающей установленным для объектов нормам.

В итоге нашего обзора можно констатировать, что социологические традиции отдают предпочтение разным форматам познания. Я опирался на социологическую концепцию Дюркгейма, приняв во внимание его амбициозную программу по исследованию категорий познания. Дюркгеймовская социология знания склонна ограничивать свой интерес вторым из рассмотренных мною форматов, однако она не учитывает возможные следствия, которые вытекают из конвенционального характера исследуемого ею знания. В отличие от Дюркгейма, утилитаристски ориентированная социология, сознательно или нет, отдает предпочтение режиму телеологического действия и способам познания, адекватным первому из рассмотренных форматов. Наконец, феноменологическая традиция, нашедшая выражение в некоторых социологических направлениях, выдвигает на первый план привычную связь [со средой], положенную в основу всех процессов получения знания. Экстраполяция этого подхода таит опасность видеть в типизации всеобщую схему познания и, следовательно, отдавать предпочтение третьему формату, что чревато трудностями при рассмотрении форматов познания, которые конгруэнтны формам конвенционализированного коллектива.

По мере изложения представленной здесь программы может сложиться впечатление, что информация целиком редуцируется к отношениям с внешней средой. Продвигаясь в направлении, противоположном такому редуccionизму, социология могла бы уточнить, какую роль играют информация и познание вообще в процессах координации

с внешней средой. Тогда была бы преодолена когнитивистская ориентация, ведущая к преувеличению роли ментальных состояний и их изменений. Учет среды не следует, тем не менее, смешивать с экологией познания, которая, прежде всего, занимается производством и применением знаний и не уделяет внимание разнообразию способов координации и форматов информации, зависящей от прагматики соответствующего режима.

В заключение предложенный для обсуждения вопрос о вкладе когнитивных наук в социологию мы поставим иначе. Мы полагаем, что социология, освоив достижения когнитивных дисциплин, сможет обогатить и обновить наше понимание процессов познания. Но это произойдет только после существенного преобразования категорий социологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alexander J.C.* Action and its environments. Towards a new synthesis. New York: Columbia University Press, 1988.
2. *Alexander J.C.* The antinomies of classical thought. Vol. 2: Marx and Durkheim. Berkeley: University of California Press, 1982.
3. *Berque A.* Le sauvage et l'artifice. Les Japonais devant la nature. Paris: Gallimard, 1986.
4. *Bessy C., Chateauraynaud F.* Experts et faussaires: Pour une sociologie de la perception. Paris: Métailié, 1995.
5. *Bessy C., Chateauraynaud F.* Les ressorts de l'expertise // Les objets dans l'action. Série «Raison pratique» No.°4 / B. Conein, N. Dodier, L. Thévenot (eds.). Paris: Ed. de l'EHESS, 1993. P. 141-164.
6. *Boltanski L.* La souffrance à distance. Morale humanitaire, médias et politique. Paris: Métailié, 1993.
7. *Boltanski L.* L'amour et la justice comme compétences. Paris: Métailié, 1990.
8. *Boltanski L., Godet M.-N., Latour C., Cartron D.* Messages d'amour sur le Téléphone du dimanche // Politix. 1995. No.°31. P. 30-76.
9. *Boltanski L., Thévenot L.* De la justification. Paris: Gallimard, 1991.
10. *Bril V., Roux V.* Compétences impliquées dans l'action. Le cas de la taille des perles en pierre dure (Khambat, Inde) // Les objets dans l'action. Série «Raison pratique». No.°4 / B. Conein, et al. (eds.). Paris: l'EHESS, 1993. P. 267-286.
11. *Brooks R.A.* Intelligence without representation // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 47. No.°1-3. P. 139-159.
12. *Cardon D., Heurtin J.-P., Lemieux C.* Parler en public // Politix. 1995. No.°31. P. 5-19.
13. *Cladis M.S.* A communitarian defense of liberalism. Emile Durkheim and contemporary social theory. Stanford: Stanford University Press, 1992.

14. *Collins H.M., Yearley S.* Epistemological chicken // Science as practice and culture / Ed. by A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 301–326.
15. *Conein B., Jacopin E.* De l'action à la cognition située: Le savoir en place // Sociologie du travail. 1994. Vol. XXXVI. No.°4. P. 475–500.
16. *Conein B., Jacopin E.* Les objets dans l'espace: La planification dans l'action // Les objets dans l'action. Série «Raison pratique». No.°4 / B. Conein, et al. (eds.). Paris: l'EHESS, 1993. P. 59-84.
17. *Corcuff P.* Le régime d'action machiavélien ou tactique-stratégique: Premier essai de modélisation: Communication au séminaire du CERIEP-IEP de Lyon II. 1994.
18. *Corcuff P., Depraz N.* L'interpellation éhtique dans le face à face. Prolégomènes à une sociologie de l'expérience: Le cas des relations infirmières/malades et agents de l'ANPE/chômeurs: Communication au séminaire du DEA de science politique de l'IEP de Lyon, 19 mars, 1993.
19. *Corcuff P., Sanier M.* Processus décisionnels et mise en récit retrospectives. Le cas de la plate-forme multimodale de Lyon-Satolas: Rapport de recherche à la DATAR, CERIEP, IEP de Lyon. Lyon, 1995.
20. *Dennett D.* La stratégie intentionnelle. Paris: Gallimard, 1990.
21. *Descombes V.* La denrée mentale. Paris: Minuit, 1995.
22. *Dodier N.* Agir dans plusieurs mondes // Critique: Sciences humaines, sens social. 1991. No.°529/530 (juin-juillet). P. 427-458.
23. *Dodier N.* Les appuis conventionnels de l'action. Eléments de pragmatique sociologique // Réseaux. 1993. No.°62 (novembre-décembre). P. 63-85.
24. *Dodier N.* Les arènes des habilités // Les objets dans l'action, série «Raison pratique» No.°4 / B. Conein et al. (eds.). Paris: l'EHESS, 1993. P. 115-139.
25. *Durkheim E.* Leçons de sociologie. Paris: PUF, 1950.
26. *Fornel M.* de Faire parler les objets // Les objets dans l'action. Série «Raison pratique». No.°4 / B. Conein et al. (eds.). Paris: l'EHESS, 1993. P. 241-266.
27. *Gasser L.* Social conceptions of knowledge and action: DAI foundations and open systems semantics // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 47. No.°1-3 (January). P. 107-138.
28. *Geertz C.* Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology. New York: Basic Books, 1983.
29. *Gerson E.M., Leigh Star S.* Analyzing due process in the workplace // ACM Transactions on Office Information Systems. 1986. Vol. 4. No.°3 (July).
30. *Gibson J.J.* The ecological approach to visual perception. Boston: Houghton-Mifflin, 1979. (*Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.)
31. *Habermas J.* Théorie de l'agir communicationnel. Paris: Fayard, 1987.
32. *Hutchins E.* Organizing work by adaptation // Organization Science. 1991. Vol. 2. No.°1. P. 14-39.
33. *Joas H.* Pragmatism and social theory. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
34. *Jullien F.* La propension des choses. Paris: Seuil, 1992.

35. *Kirsh D.* Préparation et improvisation // Réseaux. 1990. No.°43.
36. *Kirsh D.* Foundations of artificial intelligence: The big issues // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 47. Issue 1-3. P. 3-30.
37. *Kirsh D.* Today the earwig, tomorrow man? // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 47. Issue 1-3. P. 161-184.
38. *Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: How scientists make sense. Chicago: Chicago University Press, 1993.
39. *Lafaye C.* Aménager un site du littoral. Entre politique et pragmatisme // Etudes rurales. 1994. No.°133-134. P. 163-180.
40. Les catégories socio-professionnelles et leur repérage dans les enquêtes. Archives et documents: No.°38. Paris: INSEE, 1983. P. 5-39.
41. *Livet P.* La communauté virtuelle: Action et communication. Combas: L'éclat, 1994.
42. *Livet P.* Problèmes méthodologiques du connexionnisme // Méthodologie de la science empirique (2), Les cahiers du CREA. Paris: Ecole polytechnique, 1992. P. 111-131.
43. *Livet P., Thévenot L.* L'action collective // Analyse économique des conventions / A. Orléan (ed.). Paris: PUF, 1994. P. 139-167.
44. *Livet P., Thévenot L.* Modes d'action collective et construction éthique; les émotions dans l'évaluation // Limitations de la rationalité et constitution du collectif / J.-P. Dupuy, P. Livet, B. Reynaud (eds.). Paris: La Découverte, 1996.
45. *Mead G.H.* L'esprit, le soi et la société. Paris: PUF, 1963.
46. *Mead G.H.* The philosophy of the act. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
47. *Noble W.G.* Gibsonian theory and the pragmatist perspective // Journal for the Theory of Social Behavior. 1981. No. 11. P. 65-85.
48. User centered system design. New perspectives on human-computer interaction / D. Norman, S.W. Draper (eds.). Hillsdale; London: Lawrence Erlbaum, 1986.
49. *Pickering A.* The mangle of practice. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
50. *Simon H.A.* The sciences of the artificial. Cambridge, MIT Press, 1981. (*Саймон Г.* Науки об искусственном. М.: Едиториал УРСС, 2004.)
51. *Taylor C.* Sources of the Self. The making of the modern identity. Cambridge: Harvard University Press, 1989.
52. *Thévenot L.* Agir avec d'autres; conventions et objets dans l'action coordonnée // La théorie de l'action. Le sujet pratique en débat / P. Ladrière, P. Pharo, L. Quéré (eds.). Paris: Ed. du CNRS, 1993. P. 275-289.
53. *Thévenot L.* Emotions et évaluations dans les coordinations publiques // La couleur des pensées. Emotions, sentiments, intentions. Série «Raisons pratiques». No.°6 / P. Paperman (ed.). Paris: l'EHESS, 1995. P. 145-174.
54. *Thévenot L.* Essai sur les objets usuels: Propriétés, fonctions, usages // Les objets dans l'action. Série «Raison pratique». No.°4 / B. Conein, N. Dodier, L. Thévenot (eds.). Paris: EHESS, 1993. P. 85-111.

55. *Thévenot L.* L'action qui convient // Les formes de l'action. Série «Raison Pratique». No.°1 / P. Pharo, L. Quéré (eds.). Paris: EHESS, 1990. P. 39-69.
56. *Thévenot L.* L'action en plan // Sociologie du Travail. 1995. Vol. XXXVII. No.°3. P. 411-434.
57. *Thévenot L.* Le régime de familiarité: Des choses en personnes // Genèses. 1994. No. 17. P. 72-101.
58. *Thévenot L.* Les formes de savoir collectif selon les régimes pragmatiques: Des compétences attribuées ou distribuées // Les figures du collectif / B. Reynaud (ed.). Paris: La Découverte, 1997.
59. *Thévenot L.* Mettre en valeur la nature; disputes autour d'aménagements de la nature en France et aux Etats-Unis // Autres temps. Cahiers d'Éthique Sociale et Politique. 1996. No.°49. P. 27-50.
60. *Thévenot L.* Nouvelles approches du travail // Lettre du centre d'études de l'emploi. 1992. No.°25.
61. *Thévenot L.* Pragmatic regimes governing the engagement with the world: From familiarity to public "qualifications" // Social practices / Ed. by K. Knorr-Cetina, T. Schatzki. Cambridge: MIT Press, 1997.
62. *Thévenot L.* Stratégies, intérêts et justifications. À propos d'une comparaison France-Etats-Unis de conflits d'aménagement // Techniques, territoires et sociétés. 1996. No.°31. P. 127-149.
63. *Varela F., Thompson E., Rosch E.* The embodied mind. Cognitive science and human experience. Cambridge: MIT Press, 1991.